

III Экспертный Форум по уголовному правосудию для Центральной Азии

Итоговый отчет

**17-18 июня 2010 г.
Душанбе, Таджикистан**

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
Бюро по демократическим институтам и правам человека

В сотрудничестве с
Центрами ОБСЕ в Ашгабаде, Астане и Бишкеке
Бюро ОБСЕ в Таджикистане
Координатором проектов ОБСЕ в Узбекистане

при финансовой поддержке
Ирландского агентства по международному развитию

1. ВВЕДЕНИЕ

17-18 июня 2010 года в Душанбе, Таджикистан, состоялся третий Экспертный Форум по уголовному правосудию для стран Центральной Азии. Организаторами Форума выступили Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ) и миссии ОБСЕ в регионе. Идея организации подобных встреч родилась во время региональных летних школ по уголовному правосудию, проведенных БДИПЧ в 2006 и 2007 годах. Основываясь на опыте проведения школ, а также исходя из приоритетов БДИПЧ в регионе, первый Экспертный Форум по уголовному правосудию для стран Центральной Азии был организован в 2008 году в Зеренде, Казахстан. Около 50 представителей государственных органов и специалистов в области уголовного правосудия из региона имели возможности поделиться опытом и обсудить тематические вопросы с экспертами из других государств-участников ОБСЕ. Второй Экспертный Форум, проведенный в 2009 году на озере Иссык-Куль, Кыргызстан, собрал уже около 70 участников.

Третий Экспертный Форум по уголовному правосудию для Центральной Азии был также посвящен рассмотрению актуальных вопросов, с которыми сталкиваются системы уголовного правосудия центрально-азиатского региона, и выработке решений, основанных на опыте и позитивных практиках государств-участников ОБСЕ. В работе Форума приняли участие более 120 представителей государственных органов, ученых-юристов и практических работников систем уголовного правосудия из всех государств Центральной Азии, за исключением Туркменистана, а также международные эксперты из Грузии, Италии, Польши, России, Испании, Украины, США и Великобритании.

Программа работы Форума 2010 года охватывала широкий круг вопросов в области уголовного правосудия, касающихся, в частности, судебного санкционирования предварительного заключения под стражу; формализма и материальных гарантий на стадии возбуждения уголовного дела; судебного контроля на стадии предварительного следствия; доказывания

и принципа состязательности в уголовном процессе; участия граждан в процессе отправления правосудия; сокращенных и упрощенных форм уголовного судопроизводства; а также альтернатив уголовному преследованию. В рамках Форума состоялось шесть пленарных заседаний и шесть заседаний рабочих групп. К данному отчету прилагается аннотированная повестка дня Форума. Большая часть заседаний Форума прошла в формате панельных дискуссий: эксперты выступали с короткими докладами, а затем участвовали в структурированном обсуждении освещаемых вопросов с аудиторией.

Настоящий отчет не является исчерпывающим конспектом всех презентаций и выступлений участников Форума. Вместо этого в отчете содержится краткое изложение хода дискуссий и приводятся основные выводы и рекомендации, озвученные на пленарных заседаниях и в рамках рабочих групп. Эти выводы призваны способствовать тому, чтобы приоритеты работы БДИПЧ в области верховенства права в Центральной Азии соответствовали существующим в регионе потребностям и отвечали актуальным вызовам времени. Представляется, что излагаемые в отчете выводы и рекомендации будут полезны для национальных и международных организаций, работающих в области развития и поддержки реформ уголовного правосудия в государствах Центральной Азии.

2. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

➤ В соответствии с международными стандартами, предварительное содержание под стражей должно стать исключительной мерой пресечения в регионе.

- Необходимо законодательно предусмотреть более высокий «порог» санкций статей, обвинение по которым может повлечь применение меры пресечения в виде заключения под стражу.
- Следует обязать судей исследовать возможность применения мер пресечения,

альтернативных предварительному заключению под стражу, а также мотивировать неприменение альтернативных мер в судебном решении.

- Тяжесть наказания, предусмотренного за вменяемое преступление, не может быть единственным основанием для принятия решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Перечень этих оснований должен быть исчерпывающим и соответствовать требованиям международного права прав человека.
- Судебные слушания о выборе меры пресечения должны быть открытыми на тех же основаниях, что и другие судебные заседания. Лицам, находящимся под стражей и не имеющим представителя, адвокат должен быть предоставлен в порядке назначения.
- Мониторинг процесса судебного санкционирования предварительного заключения под стражу неправительственными организациями (НПО) оказывает положительное влияние на практику применения действующего законодательства.

➤ В целях достижения полного соответствия требованиям международных стандартов, судебный контроль должен охватывать не только избрание меры пресечения, как сейчас практикуется в регионе, но и проверку законности и обоснованности задержания.

➤ В целях достижения более высокого уровня защиты прав человека и предотвращения злоупотреблений, оперативно-розыскная деятельность наряду с предварительным следствием должна быть урегулирована в уголовно-процессуальных кодексах, а не в специальном законодательстве. Этот процесс должен сопровождаться расширением судебного контроля за досудебным расследованием

➤ Государствам центрально-азиатского региона следует продолжать расширение сферы судебного контроля на стадии предварительного следствия за рамки санкционирования заключения под стражу.

- В частности, введение судебного контроля над иными следственными действиями, предполагающими вмешательство в личную жизнь граждан, будет способствовать приближению законодательства государств Центральной Азии к международным стандартам.
- У судов должны быть полномочия и обязанность проверять законность и обоснованность задержания, а также исследовать доказательства для целей вынесения решения о выборе меры пресечения. Данные судебные заседания должны проходить исключительно в присутствии задержанного, которому должно быть гарантировано право на квалифицированную юридическую помощь.
- Бремя доказывания необходимости заключения задержанного лица под стражу должно лежать на стороне обвинения.

➤ Нормы, регулирующие доказывание, не должны поощрять неправомерные действия со стороны полиции и органов следствия. Исключение доказательств из судебного процесса является эффективным способом устранения нарушений и злоупотреблений, допущенных во время досудебного расследования.

➤ Адвокатам должна быть предоставлена процессуальная возможность собирать

доказательства независимо от органов следствия. Принцип равенства сторон на стадии предварительного расследования будет соблюден более полно, если адвокатам будет предоставлено право собирать доказательства, в том числе путем судебного закрепления (депонирования) показаний свидетелей и экспертов.

➤ Принятие нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан является шагом вперед. Вместе с тем, правительству следует устранить содержащиеся в Кодексе недостатки в целях приведения его в более полное соответствие с требованиями стандартов справедливого судебного разбирательства.

- В частности, следует исключить положения, запрещающие обжаловать избранную меру пресечения во время судебного процесса, и позволяющие избирать меру пресечения в виде заключения под стражу только лишь на основании тяжести наказания, предусмотренного за совершение вменяемого в вину преступления.
- Применение освобождения под залог не должно ставиться в зависимость от полного возмещения материального ущерба, нанесенного вменяемым в вину преступлением.

➤ Исторически, суд присяжных выступал в роли независимого противовеса политически мотивированным преследованиям и коррумпированным судебным системам. В настоящее время участие граждан в уголовном судопроизводстве остается важной особенностью многих демократических систем отправления правосудия и считается одним из способов повышения общественного доверия к судебной системе.

➤ Следует уделить серьезное внимание вопросу реформирования законодательства об административных правонарушениях в государствах региона. Усилиям в данном направлении должна сопутствовать работа по укреплению систем административного правосудия.

- Правонарушения, наказуемые лишением свободы (в том числе административным арестом), должны быть урегулированы уголовным правом или составлять особую категорию преступлений (проступков), при рассмотрении которых будут соблюдаться все процессуальные гарантии, предусмотренные международным правом прав человека для случаев, связанных с возможным лишением свободы.

➤ Ускоренное производство, в особенности заключение «сделки с правосудием», не должно применяться в системах уголовного правосудия, где на стадии предварительного расследования распространены жестокое обращение и принуждение к признанию вины, и ограничен доступ к квалифицированной бесплатной юридической помощи.

- Ускоренное производство, в случае его использования, должно предоставлять обвиняемому реальный стимул сотрудничества с органами государственного обвинения. Карательная уголовная политика и незначительный процент вынесения оправдательных приговоров могут, зачастую, не оставлять обвиняемым иного выбора, кроме как соглашаться на участие в ускоренном производстве.
- Во всех случаях применения ускоренных форм судопроизводства, должно быть обязательным участие адвоката и обеспечиваться право на квалифицированную юридическую помощь.

- В целях экономии времени и ресурсов для рассмотрения более серьезных преступлений, следует изучить возможность использования т.н. «уголовных судебных предписаний» (penal orders) в делах о незначительных преступлениях.

➤ Более широкое применение альтернатив уголовному преследованию является позитивным явлением для систем уголовного правосудия в регионе, так как способствует гуманизации уголовной политики, а также развитию приоритетного отношения к реабилитации правонарушителя и интересам жертвы.

- Следует более детально изучить преимущества восстановительного правосудия путем создания условий для развития услуг медиации в дополнение к обычной процедуре примирения..
- Признание юридической вины не должно быть обязательным условием для начала процедуры примирения.
- Возможность использования процедуры примирения должна существовать на любой стадии уголовного процесса. Соглашение о примирении, достигнутое на ранней стадии уголовного процесса, не только помогает сторонам, но и снижает финансовые затраты и позволяет сэкономить и без того недостающие ресурсы полиции.
- Критерии оценки работы полиции не должны рассматривать соглашения о примирении сторон как нераскрытые преступления.
- Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не должно приводить к каким-либо негативным юридическим последствиям для обвиняемого, за исключением ограничения его права требовать от государства компенсацию.
- Процедуры медиации и примирения сторон следует широко применять в системах ювенальной юстиции.

3. КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ДИСКУССИЙ

Уголовное правосудие и верховенство права

Принцип верховенства права лежит в основе демократического общества и, как таковой, является центральным понятием для системы правосудия. Принцип верховенства права проходит красной нитью через международно-правовые документы в области прав человека, и на него систематически ссылаются национальные и международные судебные инстанции, включая Европейский суд по правам человека.

Данная сессия была посвящена обсуждению прогресса, достигнутого в области внедрения принципа верховенства права в системы уголовного правосудия стран переходного периода, а также определению основных показателей этого прогресса. В дискуссии приняли участие эксперты из Казахстана, Узбекистана, Российской Федерации, Великобритании и США, представляя, таким образом, как развивающиеся, так и сформировавшиеся демократии. Выступающие поделились своими знаниями и идеями относительно преодоления трудностей, связанных с переходом от систем уголовного правосудия с авторитарным прошлым к системам, основанным на уважении прав человека.

В ходе дискуссии стало очевидно, что успех реформы системы уголовного правосудия во многом зависит от того, насколько все участники системы правосудия принимают и реализуют принцип верховенства права. Реформа законодательства, проведенная без дополнительных мер по обеспечению надлежащей правоприменительной практики, не способна привести к подобным изменениям. Судебная власть играет в данном процессе ключевую роль, и в ходе всей сессии неоднократно подчеркивалось, что соблюдение прав человека и принципа верховенства права должны стать основным эталоном работы судей.

Несмотря на многочисленные реформы в этой сфере, подлинная независимость судебной

власти в постсоветском регионе еще не достигнута. По мнению одного из выступающих, одним из основных препятствий в этом направлении является послушная «номенклатурная культура» многих судей, привыкших полагаться на указания вышестоящего руководства. В свою очередь, вышестоящее руководство оценивает качество работы судей своих судов через призму персональной лояльности, а не на основании формально закрепленных критериев. Еще одна проблема заключается в распространенном в обществе некорректном понимании независимости, как явления негативного и синонимичного понятиям безответственности и неорганизованности. Последующие реформы должны быть направлены на устранение этих препятствий.

В отношении участников системы уголовного правосудия, один из выступающих отметил важность более четкого разделения полномочий полиции, органов прокуратуры и судов. Другой докладчик добавил, что необходимо уделять больше внимания вопросам профессиональных навыков следователей с тем, чтобы допрос подозреваемого или обвиняемого перестал быть для них единственным и самым главным способом доказывания вины. Третий выступающий подчеркнул важность надлежащей подготовки молодых сотрудников полиции и прокуратуры. Он также отметил необходимость замещать выходящих на пенсию работников правоохранительных органов специалистами, воспитанными в духе ценностей, провозглашенных в новом законодательстве.

Участники дискуссии также пришли к выводу, что принцип верховенства права в системе уголовного правосудия не сводится к строгому соблюдению формальных требований закона, а подразумевает признание тех ценностей, которые эти законы призваны защищать и развивать. Система оценки работы сотрудников полиции и прокуратуры может служить примером того, как существующие правила могут приводить к неоднозначным результатам. Так, качество работы полиции оценивается, в основном, исходя из количества раскрытых преступлений, создавая, таким образом, негативный стимул для следователей использовать противоправные методы давления на подозреваемых. Вынесенный по делу оправдательный приговор считается показателем профессиональной некомпетентности прокурора. Соответственно, во избежание вынесения оправдательного приговора прокуроры оказывают давление на и без того слабую судебную власть. Подобная ситуация приводит к наличию серьезного обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве в регионе.

Наконец, было высказано мнение, что верховенство права не сводится к формализму. Один из участников дискуссии привел в пример движение за развитие восстановительного правосудия, пропагандирующего менее формализованный, примирительный подход. За последние десятилетия данное движение привело ко многим положительным изменениям в области понимания роли обвиняемого и жертвы в уголовном процессе и формирования к ним соответствующего отношения.

Судебное санкционирование предварительного заключения под стражу

Внедрение процедуры судебного санкционирования предварительного заключения под стражу является важным шагом на пути к более полному соответствию международным стандартам права на свободу и личную неприкосновенность. За последние годы все государства Центральной Азии, за исключением Туркменистана, передали полномочия по санкционированию предварительного заключения под стражу от прокуроров судьям. В рамках данного заседания участники обсудили достижения проведенных реформ, а также проблемы, требующие дальнейшего разрешения.

В частности, **Нурмухаммед Халилов** поделился с присутствующими информацией о реализации реформы в Таджикистане, где в апреле 2010 года вступил в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс, установивший судебный порядок санкционирования предварительного заключения под стражу. Новый уголовно-процессуальный закон Таджикистана содержит сравнительно низкий «порог» для применения меры пресечения в виде заключения под стражу – эта мера может быть назначена, если преступление, в совершении которого обвиняется лицо, предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком от двух лет. Целевой мониторинг применения нового порядка санкционирования предварительного заключения под стражу, осуществленный одной из правозащитных организаций, показал, что судьи с готовностью санкционируют применение этой меры пресечения без должного исследования всех существенных обстоятельств, включая опасность обвиняемого для общества и вероятность его скрытия от следствия. Судебное слушание о выборе меры пресечения зачастую проходит в отсутствие адвоката. Вопреки международным стандартам, закон позволяет судье принять решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу только лишь на основании тяжести вменяемого преступления. Г-н Халилов подчеркнул, что введение в Таджикистане судебного санкционирования заключения под стражу было важным шагом вперед, однако оно пока не изменило отношения к этой мере пресечения в пользу уважения прав человека, а предварительное заключение продолжает занимать доминирующую позицию среди назначаемых мер пресечения. Правительству следует прилагать дополнительные усилия для более широкого применения альтернативных мер пресечения, предусмотренных новым УПК, включая подписку о невыезде, личное поручительство, залог и домашний арест.

Данияр Канафин представил предварительные результаты проекта БДИПЧ по оценке практики осуществления судебного контроля над применением ареста и заключения под стражу в Казахстане. Мероприятия в рамках данного проекта, в котором г-н Канафин принимал участие в качестве старшего эксперта, включали мониторинг судебных слушаний об избрании меры пресечения, опрос специалистов-практиков, а также анализ доступных материалов дел и статистической информации. В ходе реализации проекта был осуществлен мониторинг более 250 слушаний об избрании и продлении меры пресечения в различных регионах Казахстана. Докладчик сообщил, что в 96% случаев суды удовлетворяли

ходатайства о назначении меры пресечения в виде заключения под стражу. В 97% случаев задержанные лица имели представителя, в основном из числа адвокатов по назначению. Результаты проекта выявили определенные недостатки в подходе судей к выполнению своих обязанностей, в том числе в отношении информирования задержанных лиц об их правах, установлении фактов применения к задержанным неправомерных методов допроса, а также исследования всех существенных обстоятельств, необходимых для вынесения мотивированного решения. Г-н Канафин также отметил, что одна из основных трудностей, с которыми столкнулись исполнители проекта, заключалась в получении информации о дате и месте проведении слушаний. Открытый доступ к этим слушаниям на практике не обеспечивается. Отчет о результатах проекта готовится и будет опубликован в конце этого года. Отчет будет содержать детальные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики. На данный момент можно сделать выводы о том, что решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должны быть лучше мотивированы, и что судьям следует более широко применять альтернативы заключению под стражу.

Тамила Рахматуллаева напомнила участникам Форума, что Узбекистан был первым государством в Центральной Азии, внедрившим судебное санкционирование предварительного заключения под стражу в январе 2008 года. Заключение под стражу может быть назначено в отношении подозреваемого или обвиняемого в случае, если за вменяемое в вину преступление предусмотрена мера наказания в виде лишения свободы сроком выше трех лет (пяти лет для преступлений, совершенных по неосторожности). Вместе с тем, закон содержит ряд исключений, которые судьи с готовностью применяют. Закон устанавливает довольно щедрый промежуток времени, в течение которого лицо может быть задержано полицией – 72 часа. В последующем суд может продлить этот срок еще на 48 часов с тем, чтобы предоставить прокуратуре больше времени для сбора доказательств перед рассмотрением вопроса об избрании меры пресечения в отношении задержанного. Сроки досудебного задержания полицией на практике могут продлеваться также путем задержания лица в качестве свидетеля, с последующим изменением его статуса на обвиняемого. Официальное обвинение может быть выдвинуто в течение 10 дней с момента задержания. Судебные слушания о выборе меры пресечения в Узбекистане проходят в закрытом порядке, и на них присутствуют только прокурор, задержанное лицо и его адвокат (в случае наличия такового у задержанного лица). На практике адвокаты зачастую не уведомляются должным образом о времени и месте проведения слушания, а законодательство не требует их обязательного участия. Г-жа Рахматуллаева предложила, что участие адвоката в слушаниях об избрании меры пресечения должно стать обязательным.

В ходе заключительной дискуссии выступающие эксперты и участники предложили ряд рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения в регионе. Так, было отмечено, что согласно требованиям международных стандартов, предварительное содержание под стражей должно стать исключительной мерой среди мер пресечения. Кроме того, на законодательном уровне следует закрепить более высокий «порог» санкций статей, обвинение по которым может повлечь применение меры пресечения в виде заключения под стражу. Следует также обязать судей исследовать возможность применения мер пресечения, альтернативных предварительному заключению под стражу, и мотивировать отказ от применения таких мер в судебном решении. Тяжесть уголовного наказания, предусмотренного за вменяемое преступление, не может быть единственным основанием для принятия решения о заключении под стражу. Перечень этих

оснований должен быть исчерпывающим и соответствовать требованиям международного права человека. Судебные слушания о выборе меры пресечения должны быть открытыми на тех же основаниях, что и другие заседания суда, а задержанным лицам, не имеющим представителя, должен предоставляться адвокат. Один из участников также отметил, что в целях достижения полного соответствия требованиям международных стандартов судебный контроль должен охватывать не только избрание меры пресечения, как сейчас практикуется в регионе, но и проверку законности и обоснованности задержания.

Выступающие также отметили, что мониторинг процесса судебного санкционирования предварительного заключения под стражу неправительственными организациями (НПО) может оказать положительное влияние на практику применения действующего законодательства в государствах Центральной Азии.

Возбуждение уголовного дела: формализм и материальные гарантии

Возбуждение уголовного дела в государствах Центральной Азии и большинстве других стран постсоветского пространства знаменует начало уголовного расследования. Тем не менее, еще до формального возбуждения уголовного дела полиция проводит доследственную проверку, в результате которой могут быть нарушены права лиц, не имеющих при этом никаких процессуальных гарантий, в связи с отсутствием формального статуса в уголовном процессе. Еще одной темой дискуссии стал вопрос о том, следует ли считать советскую модель «двойного расследования» (дознание с последующим формальным предварительным расследованием) устаревшей и, если да, то как ее можно реформировать.

Заседание открыл **Гигла Агулашвили**, который рассказал участникам о реформе системы уголовного правосудия в Грузии, где в октябре 2010 года вступает в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс. Докладчик отметил, что доследственная проверка, как и дознание, были отменены в Грузии некоторое время назад. Новый кодекс исходит из того, что получение любых сведений о возможном преступлении приводит к началу уголовного расследования, а в отсутствие расследования полиция не имеет права предпринимать какие-либо следственные действия. Таким образом, уголовное расследование приобретает официальную форму с самого начала, наделяя полицию достаточными полномочиями, а граждан – процессуальными гарантиями. Задержание любого лица приравнивается к началу уголовного преследования. Выступающий также подчеркнул, что уголовное расследование может быть прекращено без каких-либо негативных последствий для следователя, в то время как при советской модели прекращение уголовного дела рассматривалось в Грузии, как показатель профессиональной некомпетентности. Еще одним нововведением Уголовно-процессуального кодекса является наделение прокуроров дискреционными полномочиями

в отношении осуществления уголовного преследования. Так, прокурор может принять решение не предъявлять обвинение даже в том случае, если для этого существует достаточно оснований. Генеральная прокуратура Грузии, которая была переведена в подчинение Министерства юстиции, разработает публичный документ об основах уголовной политики, а также внутренние инструкции для прокуроров. Эти два документа лягут в основу регулирования порядка использования прокурорами своих дискреционных полномочий. Докладчик также упомянул, что новый кодекс подвергается критике в связи с тем, что дискреционные полномочия прокуроров по принятию решений относительно уголовного преследования ограничивают права потерпевших от совершенного преступления.

Эксперт из Украины **Олександр Банчук** принимал участие в разработке проекта нового Уголовно-процессуального кодекса, который был призван заменить УПК 1961 года и в прошлом году был представлен Правительству. Однако проект нового кодекса на рассмотрение Парламента направлен не был, и при новом составе Правительства его будущее остается под вопросом. Г-н Банчук отметил, что формальное возбуждение уголовного дела может идти в разрез с принципом презумпции невиновности и лишать гражданина юридической защиты: в то время как лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, еще не имеет

статуса подозреваемого, в отношении него могут приниматься меры, ограничивающие его конституционные права, в частности, право на свободное передвижение. Более того, существующая нормативно-правовая база позволяет полностью обходить предварительное расследование, наделяя правоохранительные органы правом проводить доследственные проверки, административные проверки и иные действия, в ходе которых можно получить те же сведения, не предоставляя при этом подследственным лицам никаких процессуальных гарантий.

Профессор **Леонид Головкин** выделил теоретический контекст дискуссии, подчеркнув существование в советском уголовном процессе врожденного противоречия, унаследованного большинством постсоветских уголовных систем, включая Россию. С одной стороны, возбуждение уголовного дела является основанием для начала уголовного расследования и условием возникновения у следственных органов полномочий производить процессуальные действия. С другой стороны, возбуждение уголовного дела подразумевает предварительное получение и исследование определенных сведений (элементов состава преступления), что практически невозможно без проведения следственных действий. По мнению выступающего, данное противоречие связано с непринятием в советской правовой доктрине континентальной уголовно-процессуальной модели, основанной на четком разделении функций полиции и суда. Континентальная модель ограничивает роль полиции сбором фактических сведений и их представлением магистрату (в современных системах – судье или прокурору), который, оценив эти сведения, принимает решение об уголовном преследовании. Любые действия полиции, связанные с вторжением в сферу конституционных

прав граждан, должны быть санкционированы судом. В отличие от континентальной модели, советская система использовала искусственное разделение следственных действий на процессуальные и непроцессуальные, что привело к доктринальной путанице и предопределило существование многих проблем, обсуждавшихся в рамках этой дискуссии. Для преодоления этого системного кризиса в постсоветских уголовно-правовых системах необходимо должным образом (пере)распределить функции полиции и суда.

Судья **Дариуш Селицки** выступил с обзором польской модели уголовного процесса. В частности, докладчик подчеркнул, что любые действия по сбору доказательств могут осуществляться исключительно в рамках установленной законом процедуры. Уголовное следствие начинается в Польше с момента получения сведений о совершении преступления, после чего проводится доследственная проверка. Порядок проведения этой проверки строго регламентирован и исключает на данном этапе вмешательство в сферу прав человека. Проведение таких следственных действий, как прослушивание телефонных переговоров, обыск и выемка строго запрещено. Последующая стадия предполагает проведение полномасштабного расследования уголовного дела, а полученные в ходе него сведения могут быть признаны судом приемлемыми в качестве доказательств. Решение о начале полномасштабного расследования принимается, если соблюден критерий «перевеса доказательств» (*preponderance of evidence*) в пользу следственных органов. Решение об отклонении ходатайства о начале расследования может быть обжаловано в судебном порядке. В отличие от США, где представление в суде свидетельских показаний, полученных на досудебной стадии, происходит достаточно редко, в Польше все полученные сведения должны быть представлены суду.

Участники Форума уделили большое внимание обсуждению вопросов, связанных с полицейскими действиями, регулируемым специальным законодательством об оперативно-розыскной деятельности. Выступающие эксперты и многие участники Форума сошлись во мнении о том, что для обеспечения более полного соблюдения прав человека и предотвращения злоупотреблений необходимо унифицировать регулирование оперативно-розыскной деятельности и действий, предпринимаемых в ходе предварительного расследования, в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Этот процесс должен сопровождаться расширением полномочий суда по контролю над предварительным расследованием – темой последующей дискуссии.

Судебный контроль над предварительным расследованием

Судебный контроль над предварительным расследованием приобретает особое значение при построении системы уголовного правосудия, основанной на принципах верховенства права и соблюдения прав человека и основных свобод. Поскольку следственные действия могут вторгаться в сферу прав человека, они требуют повышенного внимания со стороны

судебной власти, дабы это вмешательство не выходило за установленные законом рамки. В этом заключается одна из важнейших функций судебной власти в демократической системе уголовного правосудия.

В рамках данной сессии участники обсудили как теоретические вопросы права, так и актуальные аспекты правоприменительной практики. Участники дискуссии отметили, что в государствах центрально-азиатского региона сделаны первые шаги по предоставлению судам полномочий по контролю над предварительным расследованием, и что существует необходимость дальнейшего расширения этих полномочий. Отмечалось, что самые широкие полномочия в регионе по контролю над следственными действиями были предоставлены судам в Кыргызстане в 2007 году, однако эта реформа была впоследствии свернута. В Казахстане на сегодняшний день суды санкционируют пять из 27 следственных действий.

Докладчики подчеркивали, что судебный контроль должен распространяться на все следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые сопряжены с вторжением в сферу прав и свобод человека. Особая роль судебного контроля заключается в том, что он распространяется на все действия, связанных с лишением человека свободы, включая принудительное помещение в психиатрические учреждения и специальные интернаты для несовершеннолетних. Эксперты также подчеркнули, что внедрение и расширение судебного контроля над предварительным следствием должно происходить системно, наряду с реформой правоохранительных органов.

Модератор дискуссии отметил, что, несмотря на внедрение в государствах Центральной Азии судебного санкционирования предварительного заключения, существует тревожная тенденция к увеличению случаев удовлетворения судами ходатайств о предварительном заключении под стражу. Это происходит благодаря формальному отношению судей к новым полномочиям. Профессор **Сергей Пашин** прокомментировал аналогичную ситуацию в России, объяснив подобную тенденцию тем, что судьи зачастую занимают позицию стороннего наблюдателя и руководствуются интересами государства (прокурора) при принятии решений. Один из участников из Казахстана заметил, что прокуроры также играют определенную роль, отклоняя недостаточно обоснованные ходатайства следователей о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Участники Форума также обсудили опыт других государств, где применяется судебное закрепление (депонирование) доказательств на стадии предварительного расследования. **Алишер Маджитов** подчеркнул, что подобный порядок позволяет адвокатам реализовать право собирать доказательства независимо от органов следствия, которые имеют тенденцию занимать позицию их процессуальных противников. Профессор **Стивен Тейман** привел в пример практику Италии, Испании и США в подтверждение тезиса о том, что судебное закрепление доказательств на стадии предварительного расследования также выгодно и прокурорам, которые впоследствии могут опираться на подобные доказательства в случаях, когда необходимо сохранить важные свидетельские показания.

Судья **Андреа Кручиани** поделился с участниками информацией о работе специальных судей в Италии, которые рассматривают вопросы о санкционировании всех следственных действий, сопряженных с вторжением в сферу прав человека. Такие судьи не принимают участия в рассмотрении дел по существу. В целом, участники поддержали идею о введении специализированных судей для принятия решений по вопросам, касающимся

предварительного расследования. Вместе с тем, были высказаны сомнения об эффективности использования такого подхода в обширных и малозаселенных районах. В малонаселенных судебных округах введение специализированных судей по предварительному следствию представляется проблематичным. В то же время, такие судьи вряд ли могут обслуживать несколько округов одновременно в связи с большими расстояниями между ними. В этой связи один из экспертов привел в качестве возможного решения пример Германии, где специальные судьи по вопросам предварительного следствия были введены только в густонаселенных районах.

В качестве общей рекомендации участники предложили государствам региона продолжить расширение судебного контроля на досудебных стадиях и не ограничиваться судебным санкционированием предварительного заключения под стражу. В частности, участники отметили, что введение судебного контроля над иными действиями полиции, которые вторгаются в личную жизнь граждан, будет способствовать приближению законодательства государств Центральной Азии к международным стандартам. Участники также сошлись во мнении, что в целях повышения роли судебной власти в санкционировании ограничивающих свободу граждан следственных действий, у судов должны быть полномочия и обязанность проверять законность и обоснованность задержания, а также изучать доказательства, до вынесения решения о выборе меры пресечения. Данные судебные заседания должны проходить исключительно в присутствии задержанного, у которого должно быть право на адвоката, а бремя доказывания необходимости заключения лица под стражу должно лежать на стороне обвинения.

Доказывание и состязательный процесс

Нормы, регулирующие вопросы допустимости и исключения незаконно полученных доказательств, имеют ключевое значение для соблюдения международных стандартов справедливого судебного разбирательства. Состязательные и инквизиционные системы отличаются своим пониманием роли суда и других участников уголовного процесса. Сравнительный анализ и обмен практическим опытом содействуют поиску приемлемых подходов к внедрению принципов состязательности в традиционно инквизиционный уголовный процесс центрально-азиатских государств. Данное заседание было посвящено обсуждению возможных путей решения проблем, связанных с доказательственным правом в постсоветских государствах.

Дискуссию открыл профессор **Ричард Воглер**, предложивший участникам краткий обзор истории регулирования порядка исключения доказательств в странах с системой общего права и государствах континентальной Европы. Он подчеркнул, что процедура исключения доказательств является эффективным способом противодействия неправомерным

действиям и злоупотреблениям полиции на стадии предварительного расследования. Профессор Воглер также рассказал о различных подходах к оценке судом показаний экспертов, используемых в современных состязательных системах. Докладчик закончил свое выступление, напомнив участникам о том, что правила доказывания не должны поощрять неправомерные действия полиции и органов следствия.

Две последующие презентации адвокатов подчеркнули трудности, с которыми сталкивается защита на стадии предварительного расследования в постсоветских странах, и предложили ряд рекомендаций по их устранению. **Сергей Насонов** предложил предоставить адвокатам право знакомиться с материалами следствия на более ранней стадии, чтобы иметь возможность подготовиться к судебному заседанию. Действующее законодательство предоставляет адвокатам это право лишь после завершения расследования, что существенно осложняет подготовку позиции защиты. **Салимжан Мусин** добавил, что на практике у адвокатов отсутствует процессуальная возможность собирать доказательства, так как любые полученные ими сведения могут быть приобщены к делу только по решению следователя. Принцип равенства сторон был бы соблюден в большей степени, если бы адвокаты имели возможность собирать доказательства, в том числе путем судебного закрепления (депонирования) показаний свидетелей и экспертов. Оба выступающих подчеркнули необходимость осуществления судебного контроля над оперативно-розыскными мероприятиями и следственными действиями, сопряженными с вторжением в личную жизнь граждан и посягательством на их конституционные права.

Участница из Казахстана озвучила предположение, что у адвокатов недостаточно профессиональной подготовки для осуществления большего объема полномочий на стадии предварительного расследования и что наделение их более широкими правами приведет к еще большей путанице в и без того полном противоречий уголовном процессе. Она также напомнила собравшимся, что в Казахстане принцип состязательности распространяется только на судебную стадию уголовного процесса. Эта позиция была оспорена другими казахстанскими участниками, которые настаивали на том, что принцип состязательности, закрепленный в Уголовно-процессуальном кодексе, должен распространяться на все стадии уголовного процесса. Существующая на сегодняшний день модель фактически совмещает инквизиционную стадию предварительного расследования и состязательное судебное разбирательство. Это приводит к противоречиям в правоприменительной практике и, по сути, сводит на нет основную задачу судебного разбирательства, так как судебный процесс выступает лишь способом официального закрепления результатов расследования.

Профессор **Лорена Бахмайер Винтер** рассказала присутствующим о роли следственных судей в системе уголовного правосудия Испании. Следственный судья принимает решение о достаточности доказательств, собранных полицией, и может предписать осуществление дополнительных следственных действий. Помимо этого, следственные судьи санкционируют

проведение следственных действий, сопряженных с вмешательством в частную жизнь гражданина, включая проведение обысков и перехват коммуникаций. Выступающая также проанализировала правила исключения доказательств, закрепленные в законодательстве Испании, и практику их толкования судами.

В заключительной дискуссии участники отметили, что ни инквизиционная, ни состязательная модель не существует в чистом виде, и что любая система должна позволять адвокату вести активную деятельность на стадии предварительного расследования, в частности, путем предоставления ему доступа к материалам следствия. Центральным ориентиром будущих реформ должна стать защита прав и основных свобод человека, а сфера судебного контроля должна быть расширена именно исходя из этих приоритетов.

Участие граждан в отправлении правосудия

Участие граждан в уголовном судопроизводстве является важной составляющей демократических систем правосудия одним из способов повышения общественного доверия к судебной системе. В разных странах используются различные модели участия граждан в судопроизводстве, от рассмотрения дел профессиональными судьями совместно с несколькими народными заседателями до суда присяжных в качестве автономного субъекта принятия решений. В ходе данной сессии участники ознакомились с опытом государств-участников ОБСЕ, использующих различные модели участия граждан в процессе отправления правосудия.

Заседание началось с презентации **Гульнары Сулейменовой** из Казахстана, где три года назад было введено судопроизводство с участием присяжных заседателей. Г-жа Сулейменова представила участникам предварительные результаты проекта БДИПЧ по оценке функционирования суда присяжных, в котором она выступала в качестве старшего национального эксперта. Деятельность в рамках проекта включала мониторинг судебных заседаний с участием присяжных, анализ материалов дел, а также опрос практикующих юристов. Г-жа Сулейменова охарактеризовала казахстанскую систему как «гибридную» модель суда присяжных, при которой десять присяжных заседателей исследуют доказательства и выносят решение совместно с профессиональным судьей. Результаты проекта позволяют сделать вывод о том, что правительство Казахстана проделало серьезную работу по реализации нового законодательства, в частности в отношении переоборудования залов судебных заседаний. Среди основных трудностей, выявленных в результате реализации проекта, докладчик назвала неточности в составлении списков присяжных заседателей, а также отсутствие у судей, адвокатов и прокуроров навыков, необходимых для донесения до присяжных информации понятным и, в тоже время, профессиональным языком. Итоговый отчет о реализации проекта будет опубликован позже в этом году.

Сергей Насонов сообщил участникам о том, что введенный 17 лет назад в Российской Федерации институт суда присяжных внес неоценимый вклад в развитие принципа состязательности уголовного судопроизводства не только в делах, рассматриваемых судом присяжных, но и в делах, рассматриваемых только профессиональными судьями. Верховный Суд неоднократно отклонял протесты прокуроров, ходатайствующих об отмене вынесенного приговора на том основании, что нижестоящий суд не вызвал по собственной инициативе того или иного свидетеля. В таких случаях Верховный Суд мотивирует свои решения тем, что принцип состязательности уголовного судопроизводства обеспечивает обеим сторонам достаточно гарантий для того, чтобы представить все доказательства, которые стороны считают необходимыми, и что судья в уголовном процессе выполняет функцию независимого арбитра. Г-н Насонов также отметил, что суд присяжных является исключительно важной гарантией соблюдения презумпции невиновности. Вместе с тем, процесс внедрения института суда присяжных проходил в России не без трудностей. К актуальным проблемам можно отнести отсутствие прозрачности при составлении списков присяжных заседателей, а также негативную тенденцию расширения круга вопросов, которые не могут обсуждаться в присутствии присяжных. К таким вопросам, в частности, относятся заявления о жестоком обращении с обвиняемыми на досудебной стадии. По мнению г-на Насонова, подобные ограничения негативно сказываются на возможности адвокатов эффективно представлять позицию защиты.

Дискуссия продолжилась после выступления **Гиглы Агулашвили**, который сообщил, что полномасштабного внедрения суда присяжных в Грузии еще не произошло. На сегодняшний день, судом присяжных рассматриваются только дела об убийствах, совершенных при отягчающих обстоятельствах, и только судами тбилисского судебного округа. Количество присяжных зависит от тяжести вменяемого в вину преступления и может колебаться от шести до восьми или десяти присяжных в делах о тяжких и наиболее тяжких преступлениях соответственно. Оправдательный приговор, вынесенный судом присяжных, является окончательным и обжалованию не подлежит. Кандидаты в присяжные заседатели определяются на основании списков избирателей. Кандидат в присяжные заседатели не может иметь физических или психических недостатков, которые могут препятствовать

выполнению им обязанностей присяжного заседателя. К категориям лиц, которые не могут участвовать в рассмотрении дела в качестве присяжного заседателя, относятся работники правоохранительных органов, военнослужащие, психологи, психотерапевты и юристы. Г-н Агулашвили заметил, что считает чрезмерно широкой формулировку, согласно которой присяжными заседателями не могут быть лица, чьи «ранее выраженные мнения» делают их участие в качестве присяжных заседателей «несправедливым».

Профессор **Лорена Бахмайер Винтер** рассказала участникам о том, что в Испании институт суда присяжных был

восстановлен 15 лет назад. Однако, начиная с начала XIX века в Испании вводились и отменялись различные формы участия присяжных в отправлении правосудия. В настоящее время судом присяжных могут рассматриваться только некоторые категории дел, включая убийство, умышленное причинение вреда и непредоставление помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии. Законодатель исключил из компетенции суда присяжных некоторые виды преступлений, такие как терроризм и торговля наркотиками. Одной из отличительных черт испанской модели является требование, согласно которому решения суда присяжных должны быть мотивированными и обоснованными. От присяжных не требуется применение юридических знаний, они исследуют только фактическую сторону дела, и поэтому их способность мотивировать свое решение напрямую зависит от того, насколько четко судья формулирует свои инструкции. Вопросы присяжным заседателям формулируются в открытом судебном заседании, а судьи обязаны предупредить присяжных о невозможности рассматривать доказательства, ранее признанные неприемлемыми. В случае, если суд присяжных не может вынести последовательный и мотивированный вердикт после трех попыток, он распускается. К недостаткам использования суда присяжных относятся затратность и сложность процедуры. В заключение, профессор Бахмайер Винтер дала высокую оценку положительному вкладу, который суд присяжных внес в демократизацию системы правосудия Испании.

Профессор **Ричард Воглер** подчеркнул, что исторически суд присяжных выступал в качестве мощного независимого противовеса политически-мотивированным уголовным процессам и коррумпированным судебным системам. Именно это свойство суда присяжных может объяснить, почему тоталитарные режимы устраняли этот институт (Россия в 1917, Германия в 1924, Испания в 1936, Франция в 1941 и Япония в 1943). Европейский суд по правам человека признал, что участие граждан в отправлении правосудия является эффективным способом устранения субъективной и объективной предвзятости, которая, по мнению Суда, полностью противоречит требованиям гарантий справедливого судебного разбирательства. Профессор Воглер обратил внимание участников на возрождение интереса к институту суда присяжных в мире. Доказательством этому служит восстановление на протяжении последних двадцати лет суда присяжных в России, Испании, Аргентине (Кордоба), Южной Корее, Грузии и Японии. По мнению докладчика, возврат к использованию суда присяжных является частью стремления сбалансировать недостатки инквизиционных систем правосудия.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс Таджикистана

Данное заседание было посвящено обсуждению реформы уголовного процесса в Таджикистане, где проходил Форум. Таджикистан совершил ряд важных шагов на пути к созданию новой нормативно-правовой базы, которая в большей мере соответствует международным стандартам. Тем не менее, многие трудности остаются неразрешенными, и

открытый обмен мнениями будет способствовать дальнейшему прогрессу.

Докладчики сделали детальный обзор изменений, связанных со вступлением в силу в апреле 2010 года нового Уголовно-процессуального кодекса Таджикистана. **Зафар Азизов** и **Марицо Халифаев** отметили, что одним из наиболее важных изменений стало включение в Кодекс положений, наделяющих суд полномочиями по контролю над процессуальными действиями, на которые ранее такой контроль не распространялся. Самым ярким примером в этом отношении является передача суду ранее принадлежавших прокуратуре полномочий по санкционированию предварительного заключения под стражу и проведения обыска. Выступающие также подчеркнули, что новый УПК сокращает некоторые процессуальные сроки, вводит такую меру пресечения, как домашний арест, предусматривает процедуру ускоренного производства и укрепляет гарантии равенства сторон путем более детальной регламентации роли защиты в уголовном процессе. Новый УПК более не рассматривает суд в качестве органа уголовного преследования и устанавливает должную систему разделения полномочий между судом и прокурором. Как подчеркнул **Шухрат Азимов**, новый УПК инкорпорирует в национальное законодательство положения всех международных договоров, в которых участвует Таджикистан.

Сергей Насонов подвел итоги дискуссии и высказал свое мнение внешнего эксперта о новом УПК. Докладчик отметил, что Таджикистан достиг существенного прогресса в области приближения законодательного регулирования мер пресечения к требованиям международных стандартов и передового международного опыта. Он подчеркнул, что новый УПК закрепляет целый ряд прогрессивных норм. Однако уголовно-процессуальный закон все еще содержит определенные слабые стороны, которые, следует надеяться, будут урегулированы последующими поправками.

К слабым сторонам нового УПК относится ряд положений, не до конца соответствующих требованиям международных стандартов справедливого судебного разбирательства. В частности, к таким положениям относится запрет на обжалование меры пресечения на стадии судебного разбирательства, а также норма, позволяющая назначать меру пресечения в виде предварительного содержания под стражей исключительно на основании тяжести вменяемого в вину преступления. Кроме того, эксперт отметил, что по новому УПК залог может применяться только в том случае, если обвиняемый полностью возместил ущерб, причиненный вменяемым в вину преступлением. Данная норма существенно ограничивает возможность использования залога и не соответствует принципу презумпции невиновности.

В ходе дискуссии участниками высказывались и другие предложения по дальнейшему укреплению принципа равенства сторон. Так, было озвучено мнение о необходимости отказаться от полномочия суда возбуждать уголовные дела по собственной инициативе, а также о необходимости ограничить влияние стороны обвинения в кассационном

производстве (отказ от использования «мнения прокурора», которое на практике позволяет прокурору выступать по существу дважды). В целом, участники дискуссии подтвердили, что принятие Таджикистаном нового УПК является прогрессивным шагом, и призвали правительство продолжить работу по устранению препятствий к полному соблюдению стандартов справедливого судебного разбирательства.

Реформа законодательства об административных правонарушениях

Обсуждение вопросов, связанных с реформой законодательства об административных правонарушениях, в рамках дискуссии об уголовном правосудии уместно по крайней мере по двум причинам. Во-первых, продолжающаяся в странах Центральной Азии либерализация уголовного права переводит ряд правонарушений из уголовной сферы в административную. Во-вторых, существуют серьезные вопросы, связанные с отсутствием должных гарантий справедливого процесса в отношении административных правонарушений, в то время как их последствия для физических и юридических лиц могут быть очень серьезными. Участники данной сессии рассматривали вопросы, связанные с реформой законодательства об административных правонарушениях, а также возможные подходы к осуществлению данной реформы.

Сергей Насонов из Российской Федерации обрисовал некоторые из существующих проблем, требующих разрешения. В частности, докладчик отметил распространенную тенденцию не фиксировать момент задержания лица полицией с целью продления процессуальных сроков. Нормы, регулирующие административное задержание, используются полицией для того, чтобы выиграть время для уголовного расследования, не предоставляя при этом подозреваемым необходимых процессуальных гарантий. Полученные таким образом сведения впоследствии используются в качестве доказательств в уголовном производстве. Особую трудность вызывают деяния, которые могут быть классифицированы как административные правонарушения и как преступления. Например, торговцы наркотиками систематически подвергаются административным задержаниям в России под предлогом совершения административного правонарушения.

Салимжан Мусин высказал мнение о том, что в Казахстане размывается граница между административными правонарушениями и уголовно-наказуемыми деяниями. Это существенно расширяет возможности правоохранительных органов, при отсутствии необходимых гарантий от злоупотреблений с их стороны. Кодекс об административных правонарушениях содержит значительно меньше гарантий справедливого процесса, чем Уголовно-процессуальный кодекс, в то время как санкции, особенно в отношении юридических лиц, являются непропорционально суровыми. Необходимо устранить этот

дисбаланс путем усиления гарантий справедливого разбирательства в административном процессе. Сложившаяся ситуация ставит под сомнение практику «декриминализации» некоторых видов противоправных деяний и их перевод в разряд административных правонарушений. Например, Кодекс об административных правонарушениях не гарантирует юридическим лицам необходимого спектра прав и гарантий в отношении дел, связанных с нарушениями налогового законодательства.

Обсуждая возможные пути выхода из сложившейся ситуации, **Олександр Банчук** отметил, что деяния, относящиеся на постсоветском пространстве к административным правонарушениям, в Европе рассматриваются в качестве отдельной категории правонарушений, либо регулируются уголовным законодательством. В странах, где используется первая модель, основным видом наказания за совершенный проступок является штраф. При использовании второй модели, процессуальные вопросы регламентированы уголовно-процессуальным законодательством и существует набор возможных санкций, применение которых невозможно без судебного решения. Обе системы имеют свои преимущества. В то время как Эстония и Молдова пошли по второму пути, Украина выбрала первую модель, при которой административными правонарушениями считаются только те деяния, которые нарушают нормы административного права и влекут наказание в виде штрафа или общественных работ. По мнению г-на Банчука, реформы в постсоветских странах должны быть направлены на «чистку» Кодексов об административных правонарушениях в следующих направлениях. Нарушения материальных норм административного права, таких как экологические нормы или стандарты безопасности продуктов питания, должны регулироваться отдельно. Ответственность за такие нарушения может наступать в результате решения

соответствующего административного органа, в распоряжении которого находится целый ряд доступных санкций, не связанных с лишением свободы, которые данный административный орган может налагать непосредственно. При этом у лица, в отношении которого применяется подобная санкция, должно быть право обжаловать соответствующее решение в административном и судебном порядке. Правонарушения, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы, должны регулироваться либо уголовным законодательством, либо стать отдельной категорией проступков, процедура рассмотрения которых должна содержать все международно-правовые гарантии в области прав человека, применимые в случае возможного лишения свободы. Г-н Банчук высказал мнение, что такой подход поможет восстановить первоначальное предназначение административного права и устранить существующий разрыв между законодательством об административных правонарушениях и материальным административным правом.

После оживленного обсуждения этих предложений судья **Дариуш Селицки** выступил с обзором польской модели отправления правосудия по делам об уголовных проступках. В 1989 году в Польше была осуществлена соответствующая полномасштабная реформа. До проведения реформы, дела о подобных преступлениях рассматривались квази-судебными

коллегиями, состоящими из представителей исполнительной ветви власти. В ходе реформы эти коллегии были упразднены и сейчас любое дело, связанное с совершением малозначительного преступления, рассматривается независимым судом. Новая система функционирует достаточно хорошо, однако остаются определенные трудности, связанные, в частности, с большим количеством поступающих в суды дел. Предложения, направленные на решение этой проблемы, включают внедрение автоматизированной системы назначения судебных слушаний, ведение аудиозаписи судебных заседаний, применение наказаний в суммарном порядке, использование телеконференций, возможность дачи показаний по телефону, а также ограничение оснований для обжалования решений.

Сокращенное и упрощенное уголовное судопроизводство: тенденции и перспективы

Сталкиваясь с проблемой перегруженных судов и растущей нагрузкой на бюджет, государства разрабатывают различные стратегии ускорения процесса отправления правосудия. Наряду с декриминализацией незначительных преступлений и использованием альтернатив уголовному преследованию, сокращенные и ускоренные формы судопроизводства призваны стать эффективным способом сокращения сроков ожидания для обвиняемых и снижения нагрузки на государственный бюджет. Данная сессия была посвящена обсуждению преимуществ и недостатков сокращения и упрощения судебных процедур, с акцентом на вопросах применения «сделок с правосудием».

Обсуждение началось с выступления **Гиглы Агулашвили** из Грузии, где недавно прошла полномасштабная реформа уголовно-процессуального законодательства. Одним из самых заметных нововведений в уголовный процесс Грузии стала норма, позволяющая обвиняемому заключать с государственным обвинителем соглашение (в отношении квалификации преступления и санкции). Решение о применении процедуры «сделки с правосудием» принимается прокурором по собственной инициативе или по ходатайству защиты. Степень общественной опасности преступления, в совершении которого обвиняется лицо, не влияет на возможность обвиняемого участвовать в сделке. В случае признания обвиняемым вины, прокурор может переqualифицировать преступление в менее тяжкое или просить суд назначить более мягкое наказание. При принятии решения прокурор должен исходить из суровости наказания, степени опасности совершенного преступления, а также публичных интересов, включая результативное и эффективное использование публичных ресурсов. Заключение соглашения о сотрудничестве является добровольной процедурой, которая может осуществляться только при наличии согласия обвиняемого и при участии адвоката. Соглашение о сотрудничестве может быть признано судом недействительным, если сведения, предоставленные сотрудничающим обвиняемым, носят частичный характер и не оказывают действительного вклада в расследование и раскрытие преступления. С другой стороны, в случаях, когда предоставленные обвиняемым сведения оказываются исключительно полезными в раскрытии особо опасного преступления или преступления, совершенного государственным служащим, прокурор может ходатайствовать перед судом о полном освобождении обвиняемого от ответственности. Утвержденное соглашение о сотрудничестве является окончательным и не подлежит обжалованию.

Г-н Агулашвили также уточнил, что внедрение в Грузии «сделки с правосудием» не обошлось без критики. Противники этой процедуры утверждают, что нововведение стимулирует развитие одобряемой государством системы «правосудия для богатых», при которой состоятельные граждане могут оставаться безнаказанными. Так, из 5000 дел, поступивших

в суды Грузии в 2009 году, более 50 процентов закончились подписанием соглашения о сотрудничестве. В первом квартале 2010 года это соотношение увеличилось до 70 процентов. Соглашения о сотрудничестве с органами обвинения, устанавливающие определенные

финансовые санкции для обвиняемых, приносят Грузии доход в размере до одного процента годового государственного бюджета, превращаясь, таким образом, в серьезный источник государственного дохода. Докладчик отметил, что было бы желательно уменьшить влияние финансового фактора на процесс заключения соглашений о сотрудничестве с обвинением.

Докладчик выделил еще одну заслуживающую внимания проблему: отсутствие четкого требования учитывать интересы жертвы в процессе заключения «сделки с правосудием». Согласно действующему УПК, прокурор обязан лишь уведомить жертву преступления. Таким образом, соглашение может быть заключено без учета интересов жертвы. В данном случае, единственным выходом для потерпевшего будет заявление требования о компенсации в рамках гражданского иска. Еще одним актуальным вопросом является отсутствие прозрачности, поскольку соглашения с обвинением являются конфиденциальными и не подлежат разглашению.

Следующий докладчик, профессор **Сергей Пашин**, выступил с историческим обзором сокращенных и упрощенных форм судопроизводства в Российской Федерации. Как отметил эксперт, в России применяется особый порядок, в рамках

которого признание обвиняемым вины влечет отказ от судебного разбирательства по делам о преступлениях, наказуемых лишением свободы до 10 лет. Данная процедура предполагает, что обвиняемый и прокурор, при обязательном участии адвоката, договариваются о том, что обвиняемый признает свою вину в обмен на менее суровое наказание. Летом 2010 года вступила в силу процедура заключения так называемого «досудебного соглашения о сотрудничестве». Досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено по ходатайству защиты при условии согласия следователя и прокурора. При этом обвиняемый должен сделать развернутое предложение о сотрудничестве со следствием. В отношении т.н. «беловоротничковых» преступлений, касающихся экономической деятельности, законодательство предписывает прекращение уголовного дела в случае, если обвиняемый полностью возместил ущерб, причиненный преступлением. Несмотря на это, во многих подобных случаях суды отказывались прекращать уголовные дела на том основании, что преступление нельзя однозначно квалифицировать как экономическое. Профессор Пашин также выступил с критикой общей тенденции подменять правосудие соображениями экономической целесообразности. В частности, существующий запрет на вынесение оправдательного приговора в отношении обвиняемого, заключившего «сделку с правосудием», в совокупности с низкой правовой грамотностью обвиняемых, может приводить к наказанию невиновных людей.

Профессор **Стивен Тейман** выступил со сравнительным анализом законодательства отдельных государств-участников ОБСЕ, включая Соединенные Штаты Америки, Германию,

Италию и Испанию. Он отметил общую тенденцию к распространению процедуры «сделки с правосудием» на дела о более тяжких преступлениях. Докладчик также рассказал присутствующим о распространении практики применения судебных приказов о наложении наказания (penal orders) в делах о преступлениях, наказуемых штрафами. В таких случаях прокурор рекомендует разрешить дело назначением определенного штрафа (иногда в совокупности с другими условиями), предоставляя обвиняемому некоторое время для возражений (обычно, от семи до пятнадцати дней). В случае отсутствия возражений со стороны обвиняемого, рекомендованный штраф считается назначенным, а приговор становится окончательным.

Многие страны также предоставляют прокурорам дискреционные полномочия по прекращению дел о незначительных преступлениях, если обвиняемый ранее не был осужден за серьезные преступления и полностью возместил ущерб. Ограниченное применение этого «принципа возможности» в отношении незначительных преступлений стало популярным в Европе как исключение из «принципа законности», подразумевающего обязательность уголовного преследования. Обсуждая проблемные вопросы, профессор Тейман отметил, что процедура заключения «сделки с правосудием» может подтолкнуть имеющего судимость невинного обвиняемого признать вину даже в том случае, если позиция стороны обвинения слаба.

В своем выступлении профессор **Лорена Бахмайер Винтер** рассказала присутствующим об испанском опыте применения упрощенных и ускоренных производств. Пытаясь решить проблему высокой загруженности судов, Испания внедрила в уголовный процесс ограниченные формы договорных процедур. Несмотря на наличие некоторых элементов переговорного процесса, данная процедура не может быть классифицирована как «сделка с правосудием», а скорее как способ поощрения признания обвиняемым своей вины. С 2004 года в Испании применяется основанная на принципе законности процедура, позволяющая лицам, обвиняемым в совершении менее тяжких преступлений, признавать свою вину в обмен на снижение срока наказания на одну треть. При этом у прокурора нет полномочий по выдвижению и обсуждению с обвиняемым любых других условий. В таких случаях досудебная стадия уголовного процесса проходит по стандартным правилам, но на судебной стадии у защиты появляется право выбора: настаивать на проведении устного судебного разбирательства или нет. В любом случае, до вынесения приговора судья должен удостовериться в том, что обвинение было предъявлено обоснованно, а также в том, что признание вины было сделано обвиняемым без какого-либо принуждения. Если судья придет к выводу, что предъявлено слишком тяжелое или легкое обвинение, соглашение о признании вины может быть направлено прокурору для пересмотра.

В ходе дискуссии неоднократно подчеркивалось, что ускоренное производство, в особенности заключение «сделки с правосудием», не должно применяться в системах уголовного правосудия, где на стадии предварительного расследования распространены

жестокое обращение и принуждение к признанию вины, и ограничен доступ к квалифицированной бесплатной юридической помощи. Ускоренное производство, в случае его использования, должно предоставлять реальный стимул сотрудничества с органами государственного обвинения. Карательная уголовная политика и незначительный процент вынесения оправдательных приговоров могут, зачастую, не оставлять обвиняемым выбора, кроме как соглашаться участвовать в ускоренном производстве. Подчеркивалось также, что во всех случаях применения ускоренного производства должно быть обязательным участие адвоката и обеспечиваться право на квалифицированную юридическую помощь. Наконец, было высказано предложение о том, что в целях экономии времени и ресурсов для расследования серьезных преступлений, следует рассмотреть возможность использования судебных приказов о назначении наказания (penal orders) в делах о незначительных преступлениях.

Альтернативы уголовному преследованию в Центральной Азии

Осознавая недостатки карательной системы правосудия и понимая важность прав жертв, законодатели различных стран все чаще обращаются к альтернативам уголовному преследованию. Все больше внимания уделяется точке зрения, согласно которой система уголовного правосудия должна не только изолировать и обезвреживать преступников, но и предотвращать совершение новых преступлений путем реабилитации правонарушителей. Использование альтернатив уголовному преследованию может также снизить расходы, связанные с тюремным заключением. Не менее важно для отправления правосудия и то, чтобы жертвы преступлений не игнорировались и не подвергались дальнейшей виктимизации.

Выступая перед участниками Форума, **Ватан Абдурахмонов** из Таджикистана приветствовал процесс либерализации уголовного законодательства в своей стране. Он отметил, что альтернативные способы разрешения споров издавна существовали в Таджикистане в форме медиации со стороны советов старейшин. По мнению докладчика, такие традиции создают благоприятные условия для развития в стране системы альтернатив, применимых в уголовном процессе. Г-н Абдурахмонов предложил расширить перечень норм, регламентирующих применение альтернатив уголовному преследованию. Выступающий также высказал мнение, что наказание в отношении осужденного лица должно назначаться с учетом личности преступника и ожиданий жертвы. Докладчик отметил, что согласно УПК, основным условием применения примирительных процедур является готовность обвиняемого полностью возместить причиненный жертве ущерб. Вместе с тем, необходимо принимать дополнительные меры по применению нового УПК, так как многие судьи считают, что чем жестче суд отреагирует на совершенное преступление, тем лучше.

Чингиз Эфергапов из Узбекистана отметил положительные шаги, предпринятые правительством этого государства, в направлении либерализации уголовно-процессуального законодательства. Законом предусматривается возможность примирения сторон в делах о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Благодаря стабильному росту количества дел, направляемых на примирение, в Узбекистане обсуждается возможность распространения этой процедуры на иные виды преступлений. Действующее законодательство устанавливает, что процедура примирения может применяться в отношении лиц, совершивших преступление впервые, признавших свою юридическую вину и в полном объеме возместивших причиненный вред, при условии согласия жертвы. Докладчик выдвинул предположение, что подобный порядок способствует

предотвращению новых преступлений и препятствует «уголовному заражению» лиц, совершивших преступление впервые. Требование полного признания вины, как условие начала примирительной процедуры, вызвало оживленное обсуждение среди участников на предмет соответствия этого требования международным стандартам в области медиации.

В ходе последующей дискуссии профессор Леонид Головкин заметил, что в большинстве европейских государств решение о применении альтернатив уголовному преследованию принимается до окончания предварительного расследования, в то время как в постсоветских странах примирительные процедуры часто проводятся только на судебной стадии, что приводит к прекращению уголовного дела. Кроме того, профессор Головкин пояснил, что выбор меры, альтернативной уголовному преследованию, может также зависеть от факторов, не связанных с примирением преступника и жертвы. Например, основным условием применения

альтернативной меры воздействия в отношении правонарушителя, страдающего от наркотической зависимости, должно быть его согласие пройти добровольный курс лечения. Модератор отметил, что существует большая разница между понятием медиации, как процедурой примирения сторон при помощи независимого посредника, и понятием простого примирения сторон, которое применяется во многих государствах региона. Вместе с тем, обе процедуры основаны на добровольном согласии сторон, а поэтому выражение «обязательная медиация» - оксюморон.

Некоторые участники высказали опасение по поводу чрезмерного регулирования порядка применения альтернатив уголовному преследованию, исходя из того, что успех применения альтернативных видов воздействия во многом зависит от гибкости и способности адаптироваться к индивидуальным обстоятельствам каждого конкретного дела. Несмотря на это, участники подчеркнули, что процедура медиации должна регулироваться на уровне закона, который бы устанавливал необходимые процессуальные гарантии. Кроме того, деятельность профессиональных медиаторов должна лицензироваться. К передовой практике участники Форума отнесли создание профессиональной ассоциации медиаторов (по аналогии с адвокатурой).

После дискуссии профессор **Леонид Головкин** проанализировал международно-правовые документы и передовой международный опыт в области альтернатив уголовному преследованию. Одним из наиболее важных документов в этой области является принятая в 1999 году Рекомендация № 19 Комитета министров Совета Европы «О медиации в уголовных делах». Ключевым принципом осуществления медиации является независимость медиатора, выступающего в роли беспристрастной третьей стороны. Не менее важно соблюсти принцип доступности процедуры медиации во избежание возможного неравенства, связанного с имущественным статусом правонарушителя. Медиаторы «должны отбираться из всех слоев общества, и, как правило, обладать хорошим пониманием местного сообщества

и его культурных особенностей». Франция была приведена в пример в качестве страны с передовым опытом. Так, законодательство Франции закрепляет целый ряд процессуальных гарантий во время медиации, а деятельность профессиональных медиаторов лицензируется. Результаты медиации должны быть утверждены судьей. В Нидерландах услуги по медиации предоставляются некоммерческой организацией.

Профессор Головкич также отметил, что во многих постсоветских государствах дела, прекращенные за примирением сторон, негативно сказываются на оценке работы полиции, которая основана на количестве дел, направленных в суд. В таких системах любое дело, где было достигнуто примирение сторон, статистически рассматривается, как неспособность раскрыть преступление. Там, где существует стремление создать систему альтернатив уголовному преследованию, следует отказаться от таких устаревших показателей работы полиции. Профессор Головкич также подчеркнул, что во многих странах региона законодатель разграничивает понятия реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования. К таким основаниям относится и примирение сторон, которое рассматривается как нереабилитирующее обстоятельство, что может привести к негативным юридическим последствиям для лица, признанного виновным (например, запрет занимать государственные должности). По мнению выступающего, существование дуализма реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела может быть оправдано только необходимостью обеспечить право оправданного лица требовать от государства компенсацию. Прекращение уголовного преследования не должно приводить к какому-либо другому ограничению прав обвиняемого, поскольку это будет противоречить презумпции невиновности.

Некоторые постсоветские ученые предлагают наделить суд полномочиями по прекращению уголовного процесса, так как приравнивают подобное решение к обвинительному приговору. Несоглашаясь с данным мнением, профессор Головкич указывает на то, что в случае примирения сторон вина обвиняемого доказана не была, и презумпция невиновности остается в силе. По мнению профессора, законодателям и представителям правоохранительных органов следует изменить свое отношение к примирительным процедурам и создать необходимые условия для перехода от простого примирения сторон к использованию процедуры медиации с участием независимого и беспристрастного посредника (медиатора).

Судья **Андреа Кручиани** выступил с подробным обзором истории развития и современного состояния альтернатив уголовному преследованию в Италии. На родине докладчика развитие альтернатив уголовному преследованию было обусловлено повышенным спросом на справедливое разрешение споров, большой загруженностью судов, переполненностью мест лишения свободы, высоким уровнем рецидива, а также неспособностью традиционной, карательной системы правосудия эффективно реабилитировать правонарушителей. Докладчик отметил, что изначально (в 1988 году) процедура медиации применялась только в отношении несовершеннолетних правонарушителей, однако впоследствии ее стали использовать и в делах о менее тяжких преступлениях, совершенных совершеннолетними (предусмотренное наказание не превышает 4 лет лишения свободы). Для того, чтобы судья утвердил результаты медиации, необходимо соблюдение ряда условий, включая полное возмещение причиненного вреда. В Италии услуги медиации предоставляются неправительственными организациями, которые должны подписать меморандум о взаимопонимании с соответствующим органом местного самоуправления. На практике процедура медиации в Италии используется достаточно редко. Судья Кручиани выразил

мнение о том, что процедура медиации должна быть доступна и в делах о более серьезных преступлениях. От также подчеркнул, что не следует путать понятия медиации и «сделки с правосудием», поскольку медиация не является судебной процедурой.

Модератор отметил, что если в странах Западной Европы медиация изначально развивалась как процедура примирения для несовершеннолетних нарушителей и лишь позже стала доступна для совершеннолетних, то на постсоветском пространстве процедуры примирения разрабатываются единообразно для всех групп правонарушителей, и только после этого начинается происходить их дифференциация в зависимости от вида преступлений или категорий правонарушителей.

Дискуссия в рамках данного заседания продемонстрировала, что расширение перечня альтернатив уголовному преследованию является прогрессивным развитием систем уголовного правосудия в регионе, так как способствует гуманизации уголовной политики и развитию приоритетного отношения к реабилитации правонарушителя и интересам жертвы. Следует более детально изучить преимущества восстановительного правосудия путем создания условий для развития услуг медиации в дополнение к обычной процедуре примирения сторон. Следует исключить признание юридической вины, как обязательное условие для начала процедуры примирения. Участниками подчеркивалось, что возможность использования процедуры примирения должна существовать на любой стадии уголовного процесса. Соглашение о примирении, достигнутое на ранней стадии уголовного процесса, не только помогает сторонам, но и снижает финансовые затраты государства и позволяет сэкономить и без того недостающие ресурсы полиции.

В ходе дискуссии участники также пришли к выводу о том, что критерии оценки работы полиции не должны рассматривать соглашения о примирении сторон как нераскрытые преступления. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не должно приводить к каким-либо негативным юридическим последствиям для обвиняемого, за исключением ограничения его права требовать от государства компенсацию. Процедуры медиации и примирения сторон следует широко применять в системах ювенальной юстиции.

Приложение

III ЭКСПЕРТНЫЙ ФОРУМ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВОСУДИЮ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

17-18 июня 2010 г.
Душанбе, Таджикистан

Ежегодный Экспертный Форум по уголовному правосудию для Центральной Азии является ведущей региональной платформой для профессиональной дискуссии по вопросам судебно-правовой реформы, обеспечения прав человека в уголовном процессе, гармонизации национальных систем законодательства и норм международного права в сфере стандартов обеспечения справедливого уголовного правосудия. В 2010 г. в Экспертном Форуме принимают участие более 100 ведущих специалистов, ученых-юристов и практиков из Центральной Азии для обсуждения новостей и тенденций в сфере реформирования уголовного правосудия в регионе и за его пределами.

День первый, 17 июня

8.30 – 9.30

Регистрация участников

9.30 – 10.00

Открытие и приветственные выступления

Джумахон Давлатов, Advisor to the President of the Republic of Tajikistan on legal issues

Посол Ивар Вики, Глава Бюро ОБСЕ в Таджикистане

Карстен Вебер, Глава отдела верховенства права, БДИПЧ ОБСЕ

10.00 – 11.20

Пленарная сессия I

Уголовное правосудие и верховенство права

Данная сессия рассмотрит реформу уголовного правосудия в широком контексте укрепления верховенства права в странах переходного периода. Выступающие обсудят роль различных ветвей власти в обеспечении верховенства права и его основополагающих ценностей. Участникам будет предложено обсудить итоги и перспективы реформ в области уголовного правосудия на постсоветском пространстве, определить успехи, идентифицировать нерешенные проблемы и поискать пути их преодоления.

Модераторы:

Дмитрий Нурумов, Координатор программ в сфере верховенства права в Центральной Азии, БДИПЧ ОБСЕ

Василий Ващенко, Заместитель главы отдела верховенства права, БДИПЧ ОБСЕ

Участники:

Леонид Головкин, Россия

Профессор Московского государственного университета

Данияр Канафин, Казахстан

Адвокат, член Президиума Алматинской городской коллегии адвокатов

Сергей Пашин, Россия

Профессор Высшей школы экономики (Москва), федеральный судья в отставке

Мирзаюсуп Рустамбаев, Узбекистан

Ректор Ташкентского государственного юридического института

Стивен Тейман, США

Профессор Школы права Университета Сент-Луиса

Ричард Воглер, Великобритания

Старший преподаватель права Суссекского Университета, адвокат-солиситор

11:00 – 11:20

Перерыв на кофе

11.40 – 13.00

Пленарная сессия II

Судебное санкционирование предварительного заключения в Центральной Азии

Данная сессия будет посвящена действующему законодательству и практике судебного санкционирования предварительного заключения в Центральной Азии. Эксперты БДИПЧ представят результаты исследовательского проекта по судебному санкционированию предварительного заключения под стражу в Казахстане, который осуществлялся с декабря 2009 по май 2010 г. Участникам будет предложено оценить реформы, которые ввели судебное санкционирование предварительного заключения в четырех странах Центральной Азии: сложности, связанные с ними, извлеченные уроки и перспективы достижения большего соответствия международным стандартам и передовой практике. В частности, участники

рассмотрят следующие вопросы:

- Кто должен обращаться к судье, чтобы санкционировать предварительное заключение – прокурор или следователь?
- Что должно быть предметом судебного заседания при санкционировании ареста: законность и обоснованность задержания или выдача разрешения на заключение под стражу?
- Когда задержанное лицо должно предстать перед судьей?
- Что такое обоснованное подозрение и должен ли судья оценивать его в судебном заседании по санкционированию предварительного заключения?
- Какие документы обвинения должны быть предоставлены защите для ознакомления в ходе судебного слушания по санкционированию предварительного заключения?
- Могут ли какие-либо меры пресечения быть применены полицией?
- Как можно обжаловать предварительное заключение под стражу? Должен ли этот вопрос решаться в открытом или закрытом судебном заседании?

Модератор: Dmitry Nurumov, Rule of Law Co-ordinator for Central Asia, ODIHR

Участники: **Данияр Канафин**, Казахстан
Адвокат, член Президиума Алматинской городской коллегии адвокатов
Нурмухаммед Халилов, Таджикистан
Директор Центра по правам человека
Тамила Рахматуллаева, Узбекистан
Адвокат, Директор адвокатского бюро «FELIX TK»

13.00 – 14.00 Обед

14.00 – 16.00 **Параллельные рабочие группы I**

Рабочая группа 1

Возбуждение уголовного дела: формализм и материальные гарантии

Досудебная часть уголовного процесса в большинстве постсоветских стран остается в значительной степени формализованной и инквизиционной. Докладчикам этой рабочей группы будет предложено обменяться мнениями по вопросам реформирования стадии возбуждения уголовного дела. В частности, будут рассматриваться следующие вопросы:

- Какова юридическая природа стадии возбуждения уголовного дела: это гарантия прав человека от необоснованного ограничения или атавизм советского судопроизводства?
- По каким причинам грань между доследственной проверкой и следствием в постсоветских странах становится все менее заметной?
- Когда и какие гарантии прав человека и справедливого судебного разбирательства должны применяться на стадии доследственной проверки?
- Какой наиболее оптимальный режим правового регулирования следует применить к деятельности полиции по сбору доказательств?
- Как должны разграничиваться различные меры вмешательства в частную жизнь граждан со стороны полиции?

- Должны ли оперативно-розыскная деятельность и доследственная проверка быть интегрированы в уголовно-процессуальные кодексы посредством объединения со следственными действиями полиции?

Модератор: Данияр Канафин, Казахстан

Участники: **Гигла Агулашвили**, Грузия
Независимый эксперт и тренер, соавтор нового Уголовно-процессуального Кодекса
Олександр Банчук, Украина
Руководитель программ и член правления Центра политико-правовых реформ (Киев)
Леонид Головкин, Россия
Профессор Московского государственного университета
Дариуш Селицкий, Польша
Судья Вроцлавского окружного суда, Советник Министерства юстиции Польши

Рабочая группа 2

Судебный контроль над уголовным расследованием

Докладчики данной рабочей группы обсудят нынешнюю ситуацию с судебным контролем над следствием в Центральной Азии и проведут параллели с другими моделями судебного надзора, существующими в регионе ОБСЕ. Участникам также будет предложено рассмотреть вопрос о том, как расширение судебного контроля должно повлиять на досудебное производство. В частности, могут быть обсуждены следующие вопросы:

- Должен ли законодатель рассмотреть вопрос о введении специализированных судей для осуществления судебного контроля на стадии предварительного следствия?
- Стоит ли (и в каком объеме) передать судам вопросы санкционирования оперативно-розыскных и процессуальных действий, ограничивающих основные права человека?
- Следует ли предусмотреть процедуру судебного закрепления доказательств (депозиции) в ходе предварительного следствия?
- Какие процессуальные решения следует оставить на усмотрение следователя, а какие следует передать судье или прокурору?
- В чем должна заключаться роль прокурора на досудебных и судебных стадиях процесса?

Модератор: Дмитрий Нурумов, Координатор программ в сфере верховенства права в Центральной Азии, БДИПЧ ОБСЕ

Участники: **Андреа Кручиани**, Италия
Судья, докторант Высшей школы Святой Анны (Пиза)
Алишер Маджитов, Таджикистан
Адвокат, член коллегии адвокатов «Сипар»
Сергей Пашин, Россия
Профессор Высшей школы экономики (Москва), федеральный судья в отставке

Стивен Тейман, США

Профессор Школы права Университета Сент-Луиса

Рабочая группа 3

Доказывание и состязательный процесс

Эта рабочая группа обсудит реформирование норм, регулирующих доказывание. Существующая система сбора и исследования доказательств уходит корнями в инквизиционный процесс и не создает адекватной основы для состязательного судебного разбирательства. Докладчикам будет предложено оценить существующее доказательственное право и рассмотреть вопрос о введении системы «двух досье» для сбора и представления доказательств и элементов параллельного расследования в уголовных процессах Центральной Азии. Выступающие будут приглашены к дискуссии по следующим вопросам:

- Как должны быть реформированы правила доказывания на досудебной и судебной стадиях, чтобы обеспечить состязательность в уголовном процессе?
- Какие доказательства должны считаться полученными с нарушением Конституции?
- Следует ли предусмотреть процедуру судебного закрепления доказательств (депозиции) в ходе предварительного следствия?
- Какими следственными полномочиями должна быть наделена защита в состязательном уголовном процессе?
- Должны ли прокуроры и адвокаты иметь равный доступ к судебной экспертизе?
- Каковы примеры наилучшей практики предоставления судебной экспертизы?
- Применима ли к центрально-азиатским системам судопроизводства теория «плодов отравленного дерева»?

Модератор: Василий Ващенко, Заместитель главы отдела верховенства права, БДИПЧ ОБСЕ

Участники: **Лорена Бахмайер Винтер**, Испания
Профессор Комплутенского Университета (Мадрид)
Сергей Насонов, Россия
Адвокат, доцент Московской государственной юридической академии
Салимжан Мусин, Казахстан
Адвокат, член Президиума Алматинской городской коллегии адвокатов
Ричард Воглер, Великобритания
Старший преподаватель права Суссекского Университета, адвокат-солиситор

16.00 – 16.20 Перерыв на кофе

16.20 – 18.00 **Пленарная сессия III**
Презентация результатов обсуждения в рабочих группах

Заключительная панельная дискуссия:

Каким образом принцип состязательности реализуется на досудебных стадиях уголовного

процесса?

Модераторы:

Дмитрий Нурумов, Координатор программ в сфере верховенства права в Центральной Азии, БДИПЧ ОБСЕ

Василий Ващенко, Заместитель главы отдела верховенства права, БДИПЧ ОБСЕ

19.00

Банкет

День второй, 18 июня

9.30 – 11.00

Пленарная сессия IV

Участие граждан в отправлении правосудия

Данное пленарное заседание будет посвящено введению суда присяжных в Кыргызстане и Казахстане и обсуждению существующих форм участия граждан в отправлении правосудия в других странах Центральной Азии. Эксперты БДИПЧ представят результаты исследовательского проекта по суду присяжных в Казахстане, который осуществлялся с декабря 2009 по май 2010 г. Участники обсудят, в частности, следующие вопросы:

- Укрепляет ли участие присяжных заседателей общественное доверие к отправлению уголовного правосудия?
- Какие модели участия граждан являются наиболее подходящими для постсоветских стран?
- Усиливает ли введение суда присяжных состоятельность уголовного процесса?
- Становится ли процесс непредсказуемым и, как следствие, несправедливым?
- В чем заключается роль судьи, прокурора и адвоката в судопроизводстве с участием присяжных?
- Должны ли присяжные получать информацию о незаконно полученных доказательствах?
- Какова наиболее эффективная практика отбора присяжных заседателей?
- Как повысить авторитет суда присяжных в обществе?

Модератор:

Василий Ващенко, Заместитель главы отдела верховенства права, БДИПЧ ОБСЕ

Участники:

Гигла Агулашвили, Грузия

Независимый эксперт и тренер, соавтор нового Уголовно-процессуального Кодекса

Лорена Бахмайер Винтер, Испания

Профессор Complutense University (Мадрид)

Сергей Насонов, Россия

Адвокат, доцент Московской государственной юридической академии

Гульнара Сулейменова, Казахстан

Адвокат, доцент Алматинской юридической академии

Ричард Воглер, Великобритания

Старший преподаватель права Суссекского Университета, адвокат-солиситор

11:00 – 11:20

Перерыв на кофе

11.20 – 13.00

Пленарная сессия V
Новый Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан

Данная сессия будет посвящена обсуждению недавно принятого Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, который вступил в силу в апреле 2010 года. Докладчики представят свою оценку сильных и слабых сторон кодекса и выводы, сделанные на данный момент. В частности, им будет предложено рассмотреть следующие вопросы:

- Отличается ли новый кодекс концептуально от предыдущего и насколько?
- Какие международные стандарты справедливого уголовного процесса нашли отражение в новом УПК? В урегулировании каких из них имеются пробелы?
- Как изменился правовой статус участников процесса?
- Каким образом представлен судебный контроль на досудебных стадиях процесса?
- Сможет ли он достичь желаемого результата на практике?
- Каким образом новый кодекс позволяет обеспечить состязательность в рассмотрении уголовных дел?
- Какие проблемы в реализации кодекса существуют на данный момент?
- Какие потребности в обучении выявлены и как они удовлетворяются?

Модератор: Дмитрий Нурумов, Координатор программ в сфере верховенства права в Центральной Азии, БДИПЧ ОБСЕ

Участники: **Зафар Азизов**, Таджикистан
Председатель Совета Юстиции Республики Таджикистан
Маризо Халифаев, Таджикистан
Директор Центра повышения квалификации сотрудников прокуратуры
Шухрат Азимов, Таджикистан
Судья Верховного суда Республики Таджикистан
Сергей Насонов, Россия
Адвокат, доцент Московской государственной юридической академии

13.00 – 14.00

Обед

14.00 – 16.00

Параллельные рабочие группы II

Рабочая группа 4

Реформа законодательства об административных правонарушениях

Данная рабочая группа рассмотрит возможные направления реформирования законодательства об административных правонарушениях в Центральной Азии. Докладчики обсудят реформы, проведенные в регионе за последние два десятилетия, и выскажут свои мнения о том, насколько эти реформы достигли желаемых результатов. Участники также оценят влияние политики декриминализации на законодательство об административных правонарушениях. Могут быть рассмотрены следующие вопросы:

- Какие уроки извлечены из либерализации и какие новые стратегии могут быть использованы для достижения желаемых результатов?
- Какие стандарты справедливого судебного разбирательства должны быть

отражены в законодательстве об административных правонарушениях? Где и как они должны быть прописаны?

- Должна ли быть введена новая классификация преступлений?
- Можно ли использовать создание Кодекса о проступках для декриминализации административного права и возвращения ему первоначальной правовой природы?

Модератор: Василий Ващенко, Заместитель главы отдела верховенства права, БДИПЧ ОБСЕ

Участники: **Олександр Банчук**, Украина
Руководитель программ и член правления Центра политико-правовых реформ (Киев)
Сергей Насонов, Россия
Адвокат, доцент Московской государственной юридической академии
Салимжан Мусин, Казахстан
Адвокат, член Президиума Алматинской городской коллегии адвокатов
Дариуш Селицки, Польша
Судья Вроцлавского окружного суда, Советник Министерства юстиции Польши

Рабочая группа 5

Сокращенное и упрощенное уголовное судопроизводство: тенденции и перспективы

Неэффективность, формализм и затратность уголовного судопроизводства, в сочетании с переполненностью мест предварительного заключения, в последнее время приводят законодателей в регионе к рассмотрению вопроса об упрощении уголовного судопроизводства с целью обеспечения права на скорое судебное разбирательство и уменьшение финансового бремени на систему уголовного правосудия. Предлагаемые реформы по введению сокращенных процедур подвергаются критике со стороны оппонентов, которые утверждают, что такие формы уголовного процесса будут подрывать и без того слабые действующие гарантии и создавать почву для применения пыток и других незаконных методов расследования. Выступающие в этой сессии рассмотрят, в частности, следующие вопросы:

- Какие причины оправдывают введение сокращенных процедур?
- Что обычно происходит с процессуальными гарантиями прав личности при введении упрощенных форм судопроизводства в уголовном процессе стран региона?
- Существуют ли другие пути для повышения эффективности уголовного процесса?
- Каковы преимущества и недостатки различных моделей сокращенных процедур?
- Что показывает опыт новых процедур, внедренных в Центральной Азии?
- Соответствуют ли эти процедуры основным принципам уголовного процесса?
- Следует ли разрешить обвинению и защите заключать сделки в отношении основных элементов предъявляемого обвинения при применении таких

процедур?

Модератор: Данияр Канафин, Казахстан

Панелисты: **Гигла Агулашвили**, Грузия
Независимый эксперт и тренер, соавтор нового Уголовно-процессуального Кодекса
Лорена Бахмайер Винтер, Испания
Профессор Комплутенского Университета (Мадрид)
Сергей Пашин, Россия
Профессор Высшей школы экономики (Москва), федеральный судья в отставке
Стивен Тейман, США
Профессор Школы права Университета Сент-Луиса

Рабочая группа 6 **Альтернативы уголовному преследованию**

В последние десятилетия стратегии по уменьшению тюремного населения и либерализации уголовного законодательства в странах Центральной Азии используют различные альтернативы уголовному преследованию. В частности, уголовное законодательство реформируется в направлении расширения возможностей по использованию примирения в уголовном процессе. В настоящее время в некоторых странах региона от 20 до 50 процентов от общего числа возбужденных дел завершаются примирением на досудебных стадиях или в суде. Широкое применение таких мер в отношении различных категорий преступлений изменяет функционирование систем уголовного правосудия. Участникам этой рабочей группы будет предложено обсудить следующие вопросы:

- В чем заключается роль прокурора, судьи и адвоката в процессе примирения?
- Какие правовые последствия влечет за собой примирение?
- Должен ли уголовный процесс в странах Центральной Азии продолжать проводить различие между “реабилитирующими” и “нереабилитирующими” основаниями при применении альтернатив уголовному преследованию?
- Кто может выступать посредником в примирительных процедурах?
- Целесообразно ли будет урегулировать процедуры медиации в уголовно-процессуальных кодексах?
- Следует ли отнести разрешение вопроса о примирении сторон к исключительной компетенции суда?

Модератор: Дмитрий Нурумов, Координатор программ в сфере верховенства права в Центральной Азии, БДИПЧ ОБСЕ

Участники: **Ватан Абдурахмонов**, Таджикистан
Директор Центра правового просвещения, судья в отставке
Чингиз Эфеганов, Узбекистан
Заместитель начальника управления Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан
Андреа Кручиани, Италия
Судья, докторант Высшей школы Святой Анны (Пиза)

Леонид Головкин, Россия
Профессор Московского государственного университета

16:00 – 16:30 Перерыв на кофе

16:30 – 18:00 **Пленарная сессия VI**
Презентация результатов обсуждения в рабочих группах

Подведение итогов и окончание работы Форума

19:00 Ужин